

А. С. ПУШКИНЪ.

С К А З К А

На пермяцкомъ языкѣ.

Изданіе священника

Іакова Васильевича Шестакова.

КАЗАНЬ.

Типо-литографія ИМПЕРАТОРСКАГО Университета

1899.

Отъ переводческой Коммисіи Православнаго Миссіонерскаго Общества
печатать разрѣшается. Казань, 7 сентября 1899 года.

Предсѣдатель Коммисіи, профессоръ Академіи М. Машановъ.

Городской учебный Вспомогательный

9/10.р.

издатель

А. С. ПУШКИНЪ

Священникъ
Шестаковъ.

СКАЗКА Золотой рыбки.

О РЫБАКЪ И РЫБКЪ.

На пермяцкомъ языкѣ.

Издание Священника

Іакова Васильевича Шестакова.

КАЗАНЬ.

Типо-литографія Императорскаго Университета.

1899.

СКАЗКА

О рыбахъ и рыбкѣ.

(Компильный).

Овис старикъ асвасъ старухой у самаго синяго дорын. Нѣя овисѣ умѣлику моря; Они жили въ ветхой муовой избушкахъ тои землянкѣ ровно тридцать куимъ да куимъ годъ. Старикъ лѣтъ и три года. Старикъ кыис неводѣмъ чери, а старуха ловилъ неводѣмъ рыбу, рука печкисъ асвасъ кудель. старуха прала свою пряжу. Разъ онъ въ море зарѣѣ неводъ. Воктысъ пешвыкинулъ неводъ. пришѣлъ ны — неводынъ ѳты нять. неводъ съ одной тиной; Мѣднырися старикъ чапкисъ онъ въ другой разъ заки неводъ. Воктысъ пешвыны — нуль неводъ, пришѣлъ неводынъ ѳтъ морской туводъ съ травой морскою; рунъ. Чапкисъ съя неводъ въ третій разъ закинулъ куимѣмъ пырися. Воктысъ онъ неводъ, пришѣлъ пешвыны — неводѣмъ шедъсъ водъ съ золотою рыбкой, зовотой чери. Чери понсъ не простою рыбкой, зодъсъ кеймыны старикъ вѣлотою. Какъ взмѣлитъ зомортъ шыѣн: „Вѣзъ тѣ мѣнѣ, лотая рыба, голосомъ мѣлстаричокъ, бѣмъ морѣѣ: буравитъ человѣчьимъ: „Отмѣ тѣнытъ мынтыся ѳтыпусти ты, старче, меня въ понда, сѣта тѣнытъ вѣштѣмъ море, лорогѣй за себя дамъ кышѣмѣ коран“, Дивучкисъ ѳткушъ: ѳткуплюсь. чѣмъ

старик, повзис; чериявис только пожелаешь“. Удися кум дас кум год ивился старикъ, испугался: эзна кыввы, медбы чери онъ рыбачилъ тридцать баитыс морт шыон. Везис дѣтъ и три года, и не сѣя зовотой чери морёо ислыхивалъ, чтобъ рыба висътавис сыво: „Ен тэговорила. Отпустилъ онъ кѳт зовотой чери! некийшом рыбку золотую и сказалъ вештѳм мѣим тѣсянъ озей лѣсковое слово: „Богъ ков; мун бѳр морёо, гулъ тобою, золотая рыбка! лѣйт сѣтчинъ мымда тѣТвоего мнѣ ѳткупа не нанит ковѳ. Бертѣс старикдо; ступай себѣ въ синее асвас старукадынѳ и висъморѣ, гуляй тамъ себѣ на тавис сывѳ ыжѣт чудо. просторѣ“. Воротился старикъ ко старухѣ, рассказаль ей великое чудо: „Я „Кутѣ мѣ“ шувѳ старикъ; „таун чери, чери непростой, а зовотой; миян-сегодня поймалъ было рыбамоз баитѣс чери, кориску, золотую рыбку, не промѣнѳ вѣзны сѣе бѳр морёо, стую; понашему говорила ыжѣт вештѳм кѳсѣис, сет-рыбка, домой въ морѣ синее просилась, дорогѳю вис мѣй бы мѣ сывисъ эгнее цѣною ѳткупалась: ѳткупанем бѳсѣны—сѣѣ и вѣзилась, чѣмъ только пожелаю.“

Старука пондѣс старикъ. Не посмѣлъ я взять съ кѳс видны: „дурак тѣ, ду-нея выкупъ; такъ пустилъ рак, эн тѣ вермы вештѳм её въ синее морѣ“. Старика черисѣянъ бѳсѣны! Бѳсѣтинъ старуха забранила: „дубы тѣ котъ ѳр сѣсѣянъ, рачѣна ты, простофѣля! миян ѳрным совсем ни потѳм. не умѣлъ ты взять выкупа съ рыбки! хотъ бы взял ты съ нея корыто: Нашето совѣмъ расколѳлось“.

Вот мунѣс старик морёо. Вотъ пошѣлъ онъ къ дынѳ, аѣѣе морѣ небура-синему морю; видитъ: морсышвѳ. Пондѣс сѣя кит-ре слегка разыгрѣлось. савны зовотой чери. Вок-Сталь онъ кликать золотѣс (уис) сыдынѳ чери и-тую рыбку: прицѣлѣла къ ювавѳ: „Мѣй ковѳ тѣнит, ему рыбка, спросила.

старичок?“ Сыво кеймисе-
мөн старик байто: „Одден
видо мэнö старука, спокой
оз сет мэим старику, аэ-
зан то сыво виль ор ково;
мianiaньсыным потөм.“ „Эн
төжды,“ шувö сывö зово-
той чери. „мун Ен тэкот
гортö воас ор“ тьян.

Бертис старик стару-
кадынö; вижетö старука-
вөн ор виль ни. Од-
денжык ешö пондыс ста-
рука видчины. „Дурак. тэ,
дурак! Корöмыт дурак ор,
уна я ни öрись товк!
Бертчи. дурак. тэ чери-
дынö, кеймись сывö, кор-
керку. Аэзан миян избуш-
каным совсем ни кисьсем“.

Мунис старик морёдынö.
Вижетö морё гудыртчем.
Пондыс сья китсавны зо-
вотой чери; чери воктыс
и юлавись: „Мый тэныт
ковö старичек?“ Старик и
шувö сывö: „Одденжык эшö
видче старука, спокой оз
сет меим, старику, йөктö
керку корны тэнчит, вöг
инька, сет ни тэ, матуш-
ка, жалеит мэнö, стари-
кös,“ Зовотой чери шувö:
„Эн төжды, старичок, мун

„Чего тебё надобно, стар-
че“? Ей съ поклöномъ ста-
рикъ отвёчаетъ: „смилуй-
ся, государыня рыбка! Раз-
бранила меня моя стару-
ха, не даётъ старику мнё
покою: Надобно ей новое
корыто; наше-то совсёмъ
расколöлось“. Отвёчаетъ
золотая рыбка: „не печаль-
ся, ступай себё съ Богомъ!
будетъ вамъ новое корыто“.

Воротился старикъ ко
статухё,—у старухи новое
корыто. Ещё пуще стару-
ха бранится: „Дурачина
ты, простофиля! выпро-
силъ, дурачина, корыто!
въ корытё много ли ко-
рысти? воротись, дурачи-
на, ты къ рыбкё; покло-
нись ей, выпроси ужъ из-
бу“.

Вотъ пошёлъ онъ къ
синему морю: помутилось
синее море. Сталь онъ клй-
кать золотую рыбку; при-
плыла къ нему рыбка,
спросила: „чего тебё на-
добно, старче“? Ей старикъ
съ поклöномъ отвёчаетъ
„смилуйся, государыня
рыбка! ещё пуще старуха
бранится, Не даётъ ста-
рику мнё покою: Избу про-
ситъ сварливая баба“. От-
вёчаетъ золотая рыбка: „Не

Ен тэкѳт гортѳ, сѳѳ и вов, печалься, ступай себѳ съ сета ни мѳ тѳиянвѳ керку.“ Богомѳ Такѳ и быть: изба вамѳ ужѳ будетѳ“.

Мунѳс сѳя гортѳ, му Пошѳлъ онѳ ко своей избушкадынѳ, а сѳя ва-землянкѳ, — а землянки жѳи ни абѳ-сѳ местѳи нѳтъ ужѳ и слѳда: передѳ керку сувавѳ, ыжѳт, бы-нимѳ изба со свѳтѳлкой, шѳм, сруба кирпишной, съ дубѳвыми, тѳсѳвыми белитѳм, воротаез дубо-ворѳты *). Старуха сидѳтъ вѳесѳ. Старука пукавѳ подѳ окошкѳмѳ, на чѳмѳ ѳшындынын; мѳѳ токѳн свѳтъ стоитѳ мужа ру-вермѳ видѳ старикѳс: „Ду-гаетѳ: „Дурачина ты, пря-рак. тѳ, дурак! прямой тѳ, мой простофиля! Выпро-дурак! коромѳт, дурак, кер-силѳ, простофиля, избу! ку, мѳѳ мѳ сѳе эг аѳѳив, воротѳсь, поклонѳся ры-а вот ѳг мѳд мѳ овны кѳ: не хочу быть чѳрной кресѳьянкаѳн, мѳда пѳртчи-кресѳьянкой, хочу быть ны двѳрѳянкаѳ; мун кей-стѳлбовѳю двѳрянкой!“ мѳсь часѳт жѳ черивѳ!“

Нем керны, мунѳс ста- Пошѳлъ старикѳ къ си-рик моредынѳ и пондѳйс-нему морю: не спокойно китсавны зовѳтой чери. синее море. Сталь онѳ Воктѳс чери сыдынѳ: „Мѳѳ кликать золотѳю рыбку; тѳныт ковѳ старичѳк?“ Сы-приплыла къ нему рыбка, вѳ кеймисемѳн баитѳ ста-спросила: „Чѳго тебѳ на-ричѳк: „Одденжѳк эшѳ вид-добно, старче?“ Еѳ съ че старука, совсем ни сѳя поклонѳмѳ старикѳ отвѳ-бѳбмѳм, вотѳ спѳкой ѳз сет-чаеѳтъ: „Смѳлуйся, госу-меѳм стариквѳ; ѳз ни мѳд-дарыня рыбка! пущѳ преж-сѳя овны кресѳьянкаѳн, ба-няго старуха вздѳрилась, рыняѳ мѳдѳ пѳртчины важ-не даѳтъ старику мѳѳ по-дура“. Шувѳ сѳвѳ зовѳтой-кою: Ужѳ не хочетѳ быть чери: „Эн тѳжды, мун Ен-ѳна кресѳьянкой, хочетѳ тѳкѳт гортѳ!“ быѳть стѳлбовѳю двѳрян-кой“. Отвѳчаеѳтъ зѳлотая рыбка: „не печалься. сту-пай себѳ съ Богомѳ“!

*) т. е. воротами (старо-славянская форма творит. падежа).

Бертѣс старик старука-
дынѣ, — мый же сѣя аѣе?
Аѣе выин горт; посѣзвын
сувавѣ сывѣн инь дон
ковтаын, соболь звирись,
голявын бусѣез ѣшавѣны
киезвас зовотой чуѣкыш-
шез, коккезвас гѣрд чар-
киез, сыгѣгѣр вакейез бер-
гавѣны, — старука вартвѣ
нѣе, юрсиезѣт кыскавѣ.
Пондыс вѣви старик баит-
ны асвас старукавѣ: „Здо-
рово, барыня - судары-
ня, дворянка, онѣ бура-
мис ни поди тѣнат сѣвѣвѣ-
мыт? Чирѣктѣс токон сыв-
вѣ старука, картаввѣ уѣав-
ны ытѣс.

Вот недель чувавѣ, мо-
дык. Эшѣ ѣдденжык бѣб-
мѣм старука. Бѣра чери-
дынѣ старикѣс ытѣ. Берт-
чи кеймись черивѣ: ог мѣ
мѣд овны дворянкаѣн, а
мѣда овны саричаѣн. Пов-
зис старик, кеймисе ста-
рукавѣ: „Эн ни тѣ ышты,
мый тѣ, ине! эн я ни бѣб-
мы? не тальччины не шы-
сѣ висѣтавын он куж, а
саричаѣн эшѣ мѣдан овны,
да тѣ эд быдѣс отир сѣ ас-
ват сарсвоат смекѣ пыр-
тан. ѣдденжык эшѣ вѣга-
сис старука, — лясчис ас-
вас стариквѣ пельбокѣ:

Воротился старикъ ко
старухѣ; что жъ онъ ви-
дѣтъ? Высокій тѣремъ. На
крыльцѣ сидѣтъ его ста-
руха въ дорогѣй собѣльей
душегрѣйкѣ. парчевая на
маковѣ кѣчка, жемчугѣ
окужили шею, на рукахъ
золотые пѣрстни, на но-
гахъ красныя сапѣжки.
Передъ нею усѣрдныя слу-
ги; она бѣѣтъ ихъ, за чу-
прунѣ таскаѣтъ. Говоритъ
старикъ своей старухѣ:
„Здравствуй, бѣрыня-суда-
рыня, дворянка! Чай те-
перь твоя душенька до-
вольна“? на него прикрик-
нула старуха, на конюш-
ню послужить его послала.

Вотъ недѣля, другая про-
ходитъ; ещѣ пуще стару-
ха вздурѣлась; опять къ
рыбкѣ старика посылаетъ.
„Воротись, поклонися рыб-
кѣ: не хочу быть столбо-
вою дворянкой, а хочу
быть вѣльною царицей“!
Испугался старикъ, взмо-
лился: „что ты, баба, бе-
ленѣ обѣѣлась? ни сту-
пѣть, ни мѣлвить не
умѣешь: насмѣшишь ты
цѣлое царство“. Осердила-
ся пуще старуха, по щекѣ
ударила мужа. „Какъ ты
смѣешь, мужикъ, спорить
со мною, со мною, дворян-

„кыѣ тэ высьтан, мужык, кой столбовою? ступай къ споритны мэкѣт, мэкѣт морю, говорятъ тебѣ чедворьянкакѣт! мун добром, стью; не пойдѣшь, повеон-кѣ мун сивой тѣнѣ кыс-дутъ поневолѣ“.

касѣ морѣдынѣ.“

Нем керны, мунѣс старик морѣдынѣ. Пондѣс сѣя китсавны зовотой чери. Воктѣс сыдынѣ зовотой чери и ювавис: „Мый жѣ тѣ-ныт, старичоквѣ ковѣ?“ Баитѣ сывѣ старик: „Жалеит ни тэ мѣнѣ, старикѣс, матушка чери! Бѣра старѣй карга бунтуйтѣ: озни сѣя мѣд сѣсьсѣ дворьянкаѣн овны, саричаѣ ни мѣдѣ пѣртчины“. Баитѣ сывѣ зовотой чери: „Энтѣжды, мун гортѣ, Ен тѣ-кѣт, старичок, асѣ ни уж воас сѣя саричаѣн!“

Бертѣм старик старукадынѣ, Мый жѣ аѣѣе? Сува-вѣны сыѣзин сарскѣй ко-ромаез, а нынышкын аѣѣе асѣсис старукаѣс: пызан-саин пукавѣ сѣя саричаѣн, свужытѣны сывѣ чисто дворьянаез да бояраез, кысѣвѣны сывѣ заморскѣй винаез, закусывайтѣ сѣя чѣскыт печатнѣй преничѣкѣн, сыгѣгѣр вѣг сторож-кез сувавѣны, пельпѣннѣз-вын чероккез виѣены, Кыз-токѣн аѣѣивис этѣе старик, усис инѣвѣ каккеѣ и висѣ-

Старичокѣ отправился къ морю: почернѣло синее море. Сталь онѣ клѣкаты золотую рыбку; приплыла къ нему рыбка, спросила: „Чего тебѣ надѣбно, старичѣе?“ Ей сѣ поклонѣмъ старикѣ отвѣчаетъ: „смѣлуйсѣя, государыня рыбка! опятѣ моя старуха бунтуетъ; ужѣ не хочетъ быть она дворьянкѣй, хочетъ быть вѣльною царицѣй“. Отвѣчаетъ золотая рыбка: „не пачальсѣя, ступай себѣ сѣ Богомъ! добро! будетъ старуха царицѣй!“

Старичокѣ къ старухѣ воротился. Что жѣ? Предѣ нимъ царскѣя палаты, въ палатахъ видить свою старуху, за столомъ сидить она царицѣй, служатъ ей бояре да дворяне, наливаютъ ей замѣрскѣя вѣна, заѣдаетъ она прѣникомъ печатнымъ; вокругъ стоитъ ея грозная стража, на плечахъ топорики держатъ. Какъ увидѣлѣ старикѣ, испугалсѣя; въ нѣги онѣ старухѣ поклонилсѣя, молвилѣ: „Здравствуй, грѣз-

тавис: „Здорово грозной сарича! Онъ совсем ни по-ди бурамис тэнат съово-мыт“... Эзна и виѣет сыв-выо старука, токонвашот-нй йоктыс, медбы эз тор-чит сывон син оѣин. Ко-тортыштотмась дворьянаез да бояраез, стырикво пот-тоѣ сыввиѣирье сетависо, а ыбосдынас сторожжес чуть, чуть беднойка старикос эзона черрезон кераво. А оторын отир поттоз сера-вис сыввыын: „сѣѣ тэныт и ково старой дуракво, оѣ-ванъ вежоражык воан; эн пукси йоз додье!“

Вот недель, модык чува-во; эшо одденжык пондом-ыстыны старука. вакей-езос жониксаин ысто Аѣзе-мась старикос, ваеѣисо сыдынѣ, и шувѣ сывѣ ста-рука: „Мун' бертчи, кеи-мисъ чериво: ог мэ мод-овны саричаон, мода мэ-овны морёын, козайсвуйт-ны сэтчинъ, медбы меим-свужытѣс зовотой чери, кыче ыста, котортѣс бы“.

Старик эз ни высь нем шувны. Мунѣс сѣя морёдынѣ. Аѣзе-морёвын бурья, сѣѣ морё и гудырт-че, сѣѣ ваввез и ветвѣны,

ная царица! ну, теперь твоя душенька довольна“? На него старуха не взгля-нула, лишь съ очѣй прог-нать его велѣла. Подбѣ-жали бояре и дворяне, старика взашеи затолкали. А въ дверяхъ-то стража подбѣжала, топорами чуть не изрубѣла. А народъ-то надъ нимъ посмѣялся: „По-дѣломъ тебѣ, старый невѣжда! впредь „тебѣ, не-вѣжда, наука; не садися не въ свои сани“!“

Вотъ недѣля, другая проходитъ, ещё пуще ста-руха вздурѣлась: царе-дворцевъ за мужемъ посы-лаетъ. Отыскали старика, привели къ ней. Говоритъ старику старуха: „Воро-тисъ, поклонися рыбкѣ: Не хочу быть вольною цари-цей, хочу быть владѣчи-цей морскою, чтобы жить мнѣ въ окіянѣ-морѣ, чтобъ служила мнѣ рыбка золо-тая и была бѣ у меня на посылкахъ“.

Старикъ не осмѣлился перечесть, не дерзнулъ по-перекъ слова молвить. Вотъ идѣтъ онъ къ синему мо-рю; видитъ: на морѣ чѣр-

горзѳмѳн горзѳны. Пондѳс
сѳя витсавны зовотѳй чери.
Воктѳс сыдынѳ зовотѳй че-
ри и ювавис: „Мый жѳ эшѳ
тѳнѳт, старик, ковѳ?“—
„А мый ни уж мѳим кер-
ны, ог тѳд, ѳрдѳм инька-
кѳт, оз ни сѳя мѳд овны
саричаѳн, мѳдѳ сѳя бва-
дейтны морѳѳн, мѳдѳ мо-
рѳын овны, мѳдѳ медбытѳ
присвужничайтѳмыт сывѳ
кыче ытас котѳртѳн бы.
жалейт ни тѳ мѳнѳ!“

Нем эз шу чери, токоп
бѳжѳн ваѳт ковнитѳс и
мунѳс пыдѳсѳ. Дыр сува-
вис старик берегдорын,
витчисис, оз я мый-кѳ вис-
тав чери, да сѳѳ эз и вер-
мы витчисьны. Бертѳс
сѳя гортѳ—вижѳтѳ: сыозин
муовой избушкаок, ыбѳс
порогвын пукавѳ сывѳн
старука, а сыѳѳин важся
потѳм ѳр.

Пон.

ная буря—такъ и взду-
лись сердитѳя вѳлны,
такъ и ходятъ, такъ вѳемъ
и вѳютъ. Сталь онъ клѳ-
кать золотую рыбку. При-
плыла къ нему рыбка,
спросила: „Чего тебѳ на-
добно, старче?“ ей старикъ
сѳ поклонѳмъ отвѳчаетъ;
„Смилуйся, государыня
рыбка! что мнѳ дѳлать сѳ
проклѳтою бабой? ужъ не
хочетъ быть она царицей,
хочетъ быть владѳчицей
морскою, чтобы жить ей
въ окѳянѳ-морѳ, чтобы ты
сама ей служила и была
бы у ней на посылкахъ“.

Ничего не сказала рыб-
ка, лишь хвостѳмъ по во-
дѳ плеснула и ушла въ
глубокое море. Долго у
моря ждалъ онъ отвѳта. Не
дождѳлся, къ старухѳ во-
ротился... Глядь: опять
передъ нимъ землянка, на
порогѳ сидитъ его стару-
ха, а предъ нею разбитое
корѳыто.

Объяснительныя замѣчанія къ сказкѣ.

Что же хотѣлъ А. С. Пушкинъ сказать людямъ въ этой сказкѣ? Не захотѣлось ли ему сдѣлаться просто сказочникомъ, подобно тому, какъ старухъ—дворянкой? Пушкинъ не такой былъ человѣкъ, чтобы этого захотѣлъ и въ сказкѣ своей онъ рассказываетъ обычную исторію, которая нерѣдко встрѣчается въ нашей жизни.

„*Синее море*“ напоминаетъ намъ этотъ прекрасный Божій міръ, гдѣ такъ много скрыто еще непонятныхъ и неизвѣстныхъ намъ тайнъ, гдѣ мы всѣ живемъ и гдѣ каждый изъ насъ ловитъ свою рыбу: кто въ водѣ, кто въ землѣ (хлѣбопашцы, хлѣбо-торговцы), кто въ скотоводствѣ (какъ, напримѣръ, пермяки), кто въ лѣсоводствѣ, кто въ лавкѣ (торговцы) и т. под.

„*Старикъ и старуха*“—это тоже знакомые намъ люди, которыхъ и доселѣ мы можемъ видѣть въ разныхъ мѣстахъ. Они живутъ, какъ жили ихъ дѣды и бабушки, ничего болѣе не видятъ, ничего болѣе не знаютъ и ни о чемъ болѣе не думаютъ; всякихъ новыхъ и непонятныхъ для нихъ дѣлъ они боятся. И такъ умрутъ они не видавши свѣта Божьяго, ни радости, ни счастья и не умѣя поправить даже разбитое свое корыто.

Что такое „*Золотая рыбка*“?

1) Во всякомъ дѣлѣ встрѣчается для насъ много непонятнаго, чудеснаго, которое, подобно золотой рыбкѣ, стремится уйдти изъ рукъ человѣка; многіе опускаютъ это безъ вниманія, а другіе—стараятся понять непонятное, или извлечь изъ этаго какую либо выгоду. А также.

2) „*Золотая рыбка*“, говорящая по человѣчьи и обладающая силою давать богатство, силу, честь и власть,—это разныя науки и ученія, съ помощію которыхъ нынѣ многое достигается. Проникаютъ эти науки всюду и попадаютъ даже въ самые темные

уголки, гдѣ живетъ человѣкъ. Но трудно бываетъ наукамъ укрѣпиться здѣсь. Онѣ то появляются, а опять возвращаются туда, откуда пришли. Люди здѣсь то отказываются отъ наукъ, то опять къ нимъ обращаются. Въ сказкѣ рассказывается, какъ темные неграмотные старики, отказавшись отъ золотой рыбки, вновь обращаются къ ней и стараются *безъ труда и ученія* приобрѣсти чрезъ нее то, что, по ихъ понятію, можетъ составить счастье въ жизни. Сначала просятъ они не большой домашней поправки („корыто“), далѣе—новаго имущества („избу“), далѣе-почестей („царства“), и наконецъ, по совершенной своей темнотѣ, просятъ даже невозможнаго и неестественнаго („жить въ океанѣ - морѣ“). Хорошая золотая рыбка изъ сожалѣнія долго не отказывается въ ихъ просьбахъ,—но *темныхъ, необразованныхъ людей ничто не измѣняетъ*: ни деньги, ни почести, ни власть. Все, что они получаютъ, сами первые то и разбиваютъ, какъ разбили ранѣе единственно свое корыто. И, такимъ образомъ, остаются тѣми же несчастными людьми, какими были и прежде. Поэтому-то и сказка Пушкина оканчивается такъ, что старикъ со старухой доживаютъ свой вѣкъ при разбитомъ корытѣ.

3) *Школа* тоже своего рода золотая рыбка. Нѣкоторые люди боятся школы и всей школьной премудрости, но ходятъ въ школу, потому что получаютъ чрезъ нея деньги, честь и власть. Другіе же люди ходятъ въ школу затѣмъ, чтобы приобрѣсти здѣсь различныя познанія и умѣнья, которые оди-наково нужны и въ бѣдности и богатствѣ; они ищутъ здѣсь того, что нельзя видѣть глазами, нельзя взять руками, что ни легко, ни тяжело; что нельзя ни потерять, ни разбить; они ищутъ того богатства, которое сколько угодно можно раздавать людямъ, но оно оттого ничуть не убываетъ. Такіе-то люди и есть самые милые люди для золотой рыбки, отъ которыхъ она не убѣжитъ въ синее море да и они сами не вдругъ отпустятъ ее туда.

